

В. Н. Остапцева

Российско-польский культурный диалог в литературном журнале «Московский телеграф» (1826–1829): урок для современности

Аннотация: национальная культура создается творческой индивидуальностью. Участие А. Мицкевича в журнале «Московский телеграф», интерес русских литераторов к творчеству польского поэта и в целом к польской литературе был обусловлен принятием общих культурных ценностей. Главный принцип участников культурного диалога — любовь к истине должна быть выше любви к отечеству. В век литературоцентризма именно литература осмыслялась как поле объединения двух народов, двух культур. Диалог русской и польской культур в рамках литературного журнала, по мнению Мицкевича, — залог понимания между двумя «родственными нациями» и в других сферах человеческой деятельности. Романтическое сознание обладало исторической памятью о единых славянских корнях русского и польского народа и, больше того, глубинной памятью об общей душе, не разделенной национальными признаками. Долг памяти — не растерять найденных путей межкультурной коммуникации, открытых публицистами начала XIX в., веривших в культурное (славянское и христианское) единство как основу русско-польских отношений.

Ключевые слова: культурология, диалог, национальная культура, А. Мицкевич, «Московский телеграф», романтизм, перевод, литературоцентризм, ценности, память.

В первой трети XIX в. и в России, и в Польше процесс осознания национального своеобразия и, вместе с тем, общей цивилизационной идентичности хорошо прослеживается в полемике литературных журналов. Русские и польские литераторы демонстрируют свою способность общаться и понимать друг друга, обмениваться культурными ценностями, вступать между собой в культурный диалог. Качество общения, умение отделять главное, существенное от мелкого и преходящего, каким обладали авторы журнала «Московский телеграф» в 1820-х гг., способность держать в памяти основы, объединяющие людей и народы, и забывать факты разъединяющие, деструктивные, могут послужить уроком для современности.

Национальная культура (своеобразный сплав этнокультурного наследия каждого народа с ценностями, общими для всей цивилизации) создается творческой индивидуальностью. Образованные, талантливые люди, являясь творцами своей национальной культуры, становятся посредниками в межнациональном культурном общении. В 1820-х гг. таким «послом» польской культуры был Адам Мицкевич. Ситуация складывается не совсем обычная: А. Мицкевич оказался в России, как известно, не по своей воле: в октябре 1824 г. он был выслан в Петербург. Но ссылка, продлившаяся четыре с половиной года, была для него в значительной степени смягчена благожелательным приемом, который ему оказали в русском обществе. Приобщение к литературной жизни

российских столиц оказало на него большое влияние: по его собственному признанию, как поэт он возмужал именно за годы пребывания в ссылке.

Окружение Мицкевича составили не только товарищи по несчастью и проживавшие в России поляки, но и многочисленные русских знакомые. В первую очередь нужно назвать декабристов К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева. Несколько лет спустя Мицкевич первыми упомянет их в поэтическом послании «Русским друзьям». Связи были и литературными, и политическими. К. Ф. Рылеев еще до встречи с польским поэтом взялся за перевод его баллад «Лилий» и «Свитезянки». «Вольное общество любителей российской словесности» содействовало установлению польско-русских культурных связей. К. Ф. Рылеев в рекомендательном письме в Одессу (январь 1825) отмечает, что рекомендуемый А. Мицкевич «к тому же и поэт». Отношение к ссыльным полякам выражают следующие его слова: «По чувству и образу мыслей они уже друзья»¹.

Когда, проведя в Одессе почти год, в декабре 1825 г. Мицкевич приезжает в Москву, его связи в русском обществе восстанавливаются не сразу и приобретают характер преимущественно литературный. Поэт намеревался даже осуществить издание польского журнала в России, чтобы содействовать культурному сближению двух народов.

¹ Цит. по: Стахеев Б. Поэзия Адама Мицкевича // Мицкевич А. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1968. С. 8.

О многом говорит и длинный список русских писателей, знавших, ценивших, переводивших Мицкевича, упоминавших его имя в стихах, переписке, мемуарах: В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, П. А. Вяземский, И. И. Козлов, Н. А. Полевой. Самый значительный и самый известный факт — сближение Мицкевича с Пушкиным, которое стало и для современников, и для нас, потомков, символом единения культур и дружбы народов.

Нельзя не отметить публикации статей А. Мицкевича в журнале «Московский телеграф». Мицкевич познакомился с редактором «Московского телеграфа» Николаем Полевым, и это оказало значительное влияние на жизнь поэта. Ксенофонт Полевой в своих «Записках» следующим образом описывает знакомство Мицкевича с его братом Николаем: «После нескольких свиданий Мицкевича с Полевым, — Мицкевич был как родной в нашем доме. Он почти ни с кем не был знаком в Москве, жил уединенно с немногими своими товарищами и, кажется, любящая душа его была обрадована». Далее Кс. Полевой говорит о том, что все полюбили Мицкевича, и в первую очередь как человека, «привлекавшего к себе возвышенным умом, какой-то простодушной, только ему свойственной любезностью»². Мицкевич обладал качеством быть везде уместным. Неудивительно, что при таком свойстве характера польский поэт радушно был принят Москвой и вскоре стал своим человеком, особенно в ее литературном мире.

Дружеская связь между Н. А. Полевым и Мицкевичем повлияла на содержание «Московского телеграфа», который стал уделять больше внимания Польше и польской литературе. Участие в журнале А. Мицкевича, интерес П. А. Вяземского, Н. А. Полевого, И. И. Козлова и других русских литераторов к творчеству польского поэта и в целом к польской литературе были обусловлены общими критериями литературного творчества: национальным своеобразием, народностью, романтической эстетикой.

В статье «О состоянии, духе и стремлении новейшей польской поэзии» Н. Полевой отмечает, что стихотворения Мицкевича написаны на материале песен и преданий литовского народа; данным источником, по мнению критика, не следует пренебрегать, это не унижает поэзию до «поверья простонародия», а, напротив, «возвышает и облагораживает простонародную поэзию»³. Основным стремлением польской поэзии, таким образом, становится народность и верность духу романтизма, философия которого

чувство противопоставляет рассудочности классицизма. Поэт волен пользоваться своими приемами и устанавливать собственные правила в творчестве, главное для него — растрогать сердце читателя и занять его воображение.

В разделе библиографии помещена заметка об издании стихотворений А. Мицкевича. Автор заметки (Н. Полевой) указывает на основную задачу современного ему гуманитарного знания — «познать особенность каждого народа», верно передать дух каждой культуры. Поэт велик тем более, чем более он выражает «особность, народность свою»⁴. Русские литераторы — сторонники и пропагандисты новой романтической эстетики нашли в Мицкевиче единомышленника. В той же заметке Н. Полевой обращает внимание читателей на приложенные к собранию стихотворений рассуждения польского поэта о критиках и рецензиях варшавских. «Здесь Мицкевич <...> отдает отчет о своих понятиях, о литературе польской, о классицизме, романтизме и о критиках польских», — рекомендует автор заметки и высказывает пожелание, чтобы этот «отчет» был переведен на русский язык, так как он пригодился бы «для наших классиков-критиков с их ограниченностью взглядов и старыми предрассудками»⁵. Знаменательно, что в том же году «Московский телеграф» публикует перевод предисловия Мицкевича к собственному собранию сочинений, названный им «О критиках и рецензиях варшавских»⁶. Этот номер журнала получился вполне «польским»: открывается он названной статьей Мицкевича; раздел «Современная библиография» имеет уже две части — русской и польской литературы. Интерес к польской литературе ширится, возрастает и доля участия польского поэта в журнале.

Автор «О критиках и рецензиях варшавских» предстает перед нами в новой ипостаси — историка литературы, глубоко осмысляющего культурные процессы своего времени. Мицкевич отмечает, что «всеобщая история литературы удостоверяет в том, что упадок вкуса и недостаток в таланте везде происходил от одной причины: от ограничения себя известным числом правил, мыслей и суждений, по потреблении коих, за недостатком новой пищи, приключались голод и смерть»⁷. Теоретическая мысль польской литературы, по мнению Мицкевича, пребывает в жалком состоянии невежества, питающегося обломками старых правил. «Литературная критика до сих пор осталась

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Московский телеграф. Ч. 29 (№ 17).

⁷ Там же. С. 20.

² Московский телеграф. 1826. Ч. 10. С. 275.

³ Московский телеграф. 1829. Ч. 26. С. 201.

Культурное наследие, традиции и инновации

схоластической, а надобно учиться»⁸, — считает польский поэт. Любопытно, что в литературной истории своего отечества он видит сходство с ее политической историей. «Мы имеем хороших воинов и достойных уважения граждан, между тем, в особенности в последнее время, законоположение и предводительства войсками домогались люди несведущие и неопытные»⁹. И законоположению, и способности адекватно понимать литературное творчество «надобно учиться» — таково представление Мицкевича о задачах современного сознания. В письмах из России к своим друзьям он неоднократно сетовал на отсталость польской литературы, противопоставляя ей русскую литературу. «Ради Бога, — писал он А. Э. Одынцу, — бросьте заниматься переводами второстепенных поэтов. Где, кроме Варшавы, переводят теперь Легуве и Делиля, и, что хуже — Мильвуа etc. Русские только головами качают от жалости и удивления. Мы отстали в литературе на целое столетие»¹⁰.

Подобное критическое отношение к состоянию современной литературы и в целом культуры свойственно не только польскому поэту: русские его современники в журнальных баталиях отстаивают сходные позиции по отношению к отечественной литературе. Создание национальной литературы — задача одинаково важная и для польских литераторов, и для русских. Борьба, казалось бы, идет за национальное, но требования к глубокому содержанию и эстетически адекватной форме по сути наднациональные. Общекультурные ценности становятся залогом для продуктивного межкультурного диалога.

Необходимость в диалоге между двумя культурами последовательно отстаивает князь П. Вяземский в статье, посвященной переводам «Крымских сонетов» Мицкевича. Он обозначает «узы», которые должны сблизить польский и русский народы (узы политические, узы природного сродства, взаимная польза в словесности) и утверждает: «В обоюдном рассмотрении наследства, разделенного между нами, в миролюбном размене с обеих сторон, могли бы обрести мы общую выгоду»¹¹. Вяземский призывает «предать забвению среднюю эпоху своего бытия, ознаменованную семейными раздорами», помнить об общих корнях происхождения и воспринимать соединение в одной империи как возможность дальнейшего сближения. Конечно же, это взгляд с российской стороны, и далеко не всякий поляк так «семейственно» видел политическую ситуацию. Доказательством может служить польское вос-

стание, последовавшее буквально через три года после этой статьи. Но историку культуры важно отметить желание П. Вяземского нащупать путь к диалогу, а не к конфронтации. В век литературоцентризма именно литература осмыслялась как поле объединения двух народов, двух культур.

«Журналам польским и русским представлена обязанность изготовить предварительные меры семейного сближения», — пишет П. Вяземский¹². Желание Мицкевича напечатать свои сонеты в московском журнале он воспринимает как факт, способствующий такому сближению; своими сонетами польский поэт способен побудить русских выучить польский язык. Стоит обратить внимание на выражения, которыми пользуется автор критической статьи: «Печатавая свои сонеты в Москве, он (Мицкевич. — В. О.) *задирает нас обольстительной вежливостью* (курсив мой. — В. О.)». XIX век — век высокой культуры общения, чуткого отношения к слову, и в этом антиномичном сочетании слов можно почувствовать общую тональность диалога культур: это и творческое соперничество, и одновременно поиск путей сближения. В заслугу Мицкевичу ставится то, что он опередил русских поэтов в поэтическом воспевании красот Крыма. Его сонеты «подстрекнули национальную гордость наших писателей, которые как будто устыдились невнимания отечественных лир к очаровательным явлениям природы в стране, принадлежащей России». П. А. Вяземский надеется, что этот пример пробудит «соревнование и в молодых первоклассных поэтах наших и что Пушкин, Баратынский осветят своими именами желаемую дружбу между русскими и польскими музами»¹³.

Авторы журнала «Московский телеграф» уделяют пристальное внимание искусству перевода. Переводчик не только становится посредником между двумя иноязычными народами, но и выполняет миссию герменевта — толкователя и интерпретатора культурного текста, главным действующим лицом межкультурной коммуникации; процесс понимания между двумя культурами зависит от его добросовестной работы. Русские критики отмечают достоинства и недостатки поэтических переводов польского поэта, сделанных русскими литераторами.

А. Мицкевич рецензирует польские переводы А. Рогальского из И. И. Дмитриева и А. С. Пушкина. В «Московском телеграфе» рецензии Мицкевича предшествовала редакционная заметка, в которой суровая критика польского поэта польских переводчиков смягчается благодарностью

⁸ Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1954. С. XII.

⁹ Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. С. 192.

¹⁰ Там же.

¹¹ Московский телеграф. 1829. Ч. 30. С. 352.

¹² Там же. С. 222.

¹³ Там же.

за старание «знакомить Польшу с нашею словесностью». «Радуемся, видя, что и наша словесность, наша литература понемногу выдвигаются за границу», — пишет Мицкевич¹⁴. Польша, таким образом, и в XIX в. остается культурной посредницей для России в ее сношениях с Европой. «Московский телеграф» отмечает как положительное событие появление польско-русского словаря С. Миллера (Вильна, 1829); недостаток такой книги был, по мнению издателей журнала, ощутительным.

Знаменательно, что «Московский телеграф» своих переводчиков с польского языка критикует гораздо суровее. Так, в отзыве о переводе «Свитизянки» Мицкевича в альманахе «Сириус» подлинник оценивается очень высоко: автор статьи отмечает: баллада Мицкевича отличается «прелестью простоты необыкновенной. Все в ней сказано прямо, коротко и ясно». А вот в русском переводе «все с околичностями, с ужимками». Автор критической статьи следующим образом определяет принцип герменевтики: «Главное сближение должно заключаться в духе и в общем выражении»¹⁵. Перевод без этого принципа, без отличного знания языка становится, по мнению критика, «злым намерением» в отношении польской поэзии и приносит больше вреда, чем пользы, не способствует правильной оценке художественного уровня переводимых произведений, тем самым затрудняя понимание между двумя литературами.

Очевидным становится главный принцип участников культурного диалога: любовь к истине должна быть выше любви к отечеству (позднее П. Я. Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» сформулирует его необычайно убедительно). Этические нормы и принципы сотрудников «Московского телеграфа» могут послужить образцом для выработки прин-

ципов налаживания межкультурных связей в наше время. Литература становится для участников журнала «Московский телеграф» тем полем, по словам А. Мицкевича, «куда все славянские народы несут плоды своей умственной деятельности, не отталкиваясь друг от друга, без взаимного отвращения»¹⁶. Эту мирную встречу на попрание литературы поэт мыслит как символ объединения двух славянских народов и в других областях. Ему вторит Н. Полевой: «Словесность — есть возвращение дара слова, без коего не может существовать ни один народ»¹⁷.

Несмотря на изменение сознания в современной культурной действительности, необходимым представляется обратиться к особенностям романтического сознания, характерного для культуры первой трети XIX в. Романтическое сознание обладало исторической памятью о единых славянских корнях русского и польского народов и больше того — глубинной памятью об общей душе, не разделенной национальными признаками, душе Нового Завета, договора Бога с каждым человеком, преодоление идеи избранности какого-либо одного народа. В секуляризованном сознании современной Европы объединяющим «полем» становится культурное пространство. Память народов о событиях истории, а тем более политической истории государств дает множество поводов для споров и конфронтации. Разрешить окончательно взаимные претензии не представляется возможным. Даже если мы признаем право забвения в истории, каждая нация забывает что-то удобное ей. Возможно, как раз глубинная память о единых христианских основах культуры, а главное — ориентированность на данные ценности может стать основой для русско-польского диалога культур.

Список литературы:

1. Беккер И. Мицкевич в Петербурге. Л., 1955.
2. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001.
3. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
4. Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975.
5. Худушкина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.). М., 1995.
6. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. М.: Наука, 1991.

¹⁴ Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. С. 447.

¹⁵ Московский телеграф. 1827. Ч. 13. С. 155.

¹⁶ Цит. по: Пушкин в эмиграции. 1937. М., 1999. С. 41.

¹⁷ Московский телеграф. 1829. Ч. 30. С. 340.

Культурное наследие, традиции и инновации

References (transliteration):

1. Bekker I. Mitskevich v Peterburge. L., 1955.
2. Kantor V. K. Russkiy evropeets kak yavlenie kul'tury (filosofsko-istoricheskiy analiz). M.: ROSSPEN, 2001.
3. Mezhuev V. M. Ideya kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury. M.: Progress-Traditsiya, 2006.
4. Poznanskiy V. V. Ocherk formirovaniya russkoy natsional'noy kul'tury. Pervaya polovina XIX veka. M., 1975.
5. Khudushkina I. F. Tsar'. Bog. Rossiya. Samosoznanie russkogo dvoryanstva (konets XVIII – pervaya tret' XIX v.). M., 1995.
6. Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego // Chaadaev P.Ya. Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma. T. 1. M.: Nauka, 1991.